

12+

В. К. СТЕБНИЦКИЙ
ЛЯЛЯ

повесть

В.К.Стебницкий

Ляля

«Автор»

2020

В.К.Стебницкий

Ляля / В.К.Стебницкий — «Автор», 2020

Эта повесть родилась из авантюры. Модератор моей группы в Фейсбук «Книги читают нас» Инна Бергер, утомившись разнимать сцепившихся насмерть комментаторов, спросила: "Ты сможешь написать рассказец в стиле прошлого века?" "Зачем это?" — удивилась я. "Уверена, никто из этих хвалёных экспертов не заметит разницы!" Затея показалась мне сомнительной, однако я завелась и тут же, на коленке, набросала первую главу. Инна предложила псевдоним — Стебницкий, добавив к нему мои инициалы. (В.Травская)

© В.К.Стебницкий, 2020

© Автор, 2020

Содержание

ГЛАВНОЕ	5
Глава первая. ЛЯЛЯ	7
Глава вторая. ШЕРШИЕВИЧ	9
Глава третья. ДВА РУБЛЯ ДО СОТНИ	11
Глава четвёртая. ЗАСУШЕННЫЙ ЦВЕТОК	13
Глава пятая. БУКОЛИЧЕСКИЙ РОМАН	15
Глава шестая. ФЕРЯЗЬ	17
Глава седьмая. ШЕРОЧКА С МАШЕРОЧКОЙ	19
Глава восьмая. ОТСТАВНОЙ КОЗЫ БАРАБАНЩИК	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В.К.Стебницкий

Ляля

ГЛАВНОЕ

(вместо предисловия)

Из подворотни стремительно вышла дама, одетая по старой моде, в турнюре и шляпке с вуалеткой. Вышла – и остановилась так же внезапно, как появилась. Постояла несколько минут, оглядывая улицу так, словно видела её впервые, потом кивнула и устремилась вправо.

Она бы вовсе не обратила на себя нашего внимания – мало ли в Москве старух, верных моде «своего» времени? Но эта дама, глядя прямо перед собой, на ходу вела непрерывный диалог с невидимым собеседником. Она бормотала и жестикულიровала, иногда останавливалась и произносила вполголоса страстные монологи. Если случалось, что в поле её зрения попадало знакомое лицо, она замолкала на полуслове и церемонно его приветствовала. Каждый из тех, кого она удостоила своим вниманием, отвечал ей вежливым поклоном, интересовался здоровьем, на что она неизменно отвечала: «Благодарю вас, слава Богу!» – и даже могла, в свой черёд, расспросить о домочадцах, и надо сказать, что, несмотря на видимую странность, никогда не путалась в именах и обстоятельствах. Но в какой-то миг лицо её вновь принимало отрешённое выражение, взгляд устремлялся поверх головы собеседника, дама медленно оборачивалась, словно застигнутая внезапной мыслью, и продолжала свой путь. Покинутый ею знакомец как ни в чём не бывало возвращался к своим делам, а если торопиться ему было некуда, мог проводить её грустным или слегка насмешливым взглядом, покачивая головой и вздыхая.

Похоже, никто из здешних обитателей не обращал на неё внимания более, нежели на других прохожих. И только человек, оказавшийся в этом месте случайно или мимоходом, опасливо косился на чудную старуху и на всякий случай обходил её стороной. Местные же называли её Еленой Васильевной и считали кто сумасшедшей, кто просто чудачкой. Если бы не её манера рассуждать вслух, она могла бы считаться вполне безобидной. Всем было известно, что проживает она в маленькой, чистенькой и уютной квартирке, которую для неё уже много лет снимает некий Возицын, называющий себя её родственником. На какие средства живёт Елена Васильевна, для всех было загадкой – вполне могло быть, что их обеспечивает всё тот же родственник, хотя он отнюдь не выглядел Крёзом. О её возрасте среди соседей также не было согласного мнения. Старожилы уверяли, что ей никак не может быть менее сорока пяти, а скорее даже все пятьдесят. Но дама сохраняла осанку и грацию молодой женщины, а выражение её лица оставляло по себе впечатление юной уязвимости и привычного лукавства хорошенькой женщины.

Если это позволяла погода, Елена Васильевна каждый день проделывала один и тот же маршрут: она не любила изменять своим привычкам. Однажды кто-то из соседей любопытствовал, куда может так деловито ходить эта странная женщина. Проводив её раз-другой, выяснили, что ходит она всегда в одно и то же место, а именно в парк, в котором садится на одну и ту же скамейку, если та бывает свободна. Если же этой скамейке случится быть занятой, Елена Васильевна станет кружить по аллеям до той поры, пока скамейка не освободится, и сядет на неё с видом полного удовлетворения. Достигнув цели своей прогулки, она замолкала и просто сидела неподвижно, сложив на коленях маленькие руки в лайковых перчатках и рассеянно глядя по сторонам. Этот факт, разумеется, быстро стал известен всем, кого он мог заинтересовать, и Елену Васильевну оставили в покое. Она возвращалась спустя час или два, смотря

по погоде, посещала на обратном пути булочную и зеленую лавку, иногда кондитерскую или аптеку.

А между тем если бы соседям Елены Васильевны хватило терпения, то они узнали бы прелюбопытную вещь. Дело в том, что постоянство её привычек имело причину более основательную, нежели повреждённый рассудок. Не всегда на своей скамейке сживала она в одиночестве. Бывали дни, когда, немного времени спустя, рядом с ней присаживался господин преклонных лет, тщательно одетый, с аккуратной седой бородкой. Неторопливо и степенно, опираясь на трость, он приближался с противоположного края этого парка и, поравнявшись со скамейкой, легонько, не глядя на даму, притрогивался к краю своего котелка, после чего, всё так же молча, занимал свободный край скамейки по правую руку от Елены Васильевны. Оставалось, впрочем, неясно, связывают ли этих двоих какие-то отношения, или же это обычное для такого места шапочное знакомство, так как всё это время, бывало, что и час кряду, они сидели молча, казалось, вовсе не замечая друг друга, занятые каждый своими мыслями.

Господин всегда уходил первым, сделав неопределённый жест в сторону дамы, который мог бы сойти и за поклон. Он удалялся, не оборачиваясь, по той же аллее, по которой пришёл, и как только его прямой силуэт исчезал за поворотом, поднималась и Елена Васильевна. Оправив на себе платье, она вскидывала голову и с первым же шагом возобновляла прерванный монолог, в котором отчётливо можно было расслышать только одно слово и только потому, что на нём она всегда возвышала голос и вскидывала вверх указательный палец, а иногда даже останавливалась.

– Это *главное!* Видите ли, что самое *главное...*

Глава первая. ЛЯЛЯ

Ляля сошла с поезда и несколько минут постояла на деревянном перроне, вдыхая густой загородный воздух. Шум поезда уже затихал вдали, когда в станционных дверях показался Никита, старый Алпатьевский кучер и, увидев барышню, стянул с плешивой головы картуз. Ляля улыбнулась, Никита ответил ей своей щербатой улыбкой и устремился за её чемоданами.

Было ещё раннее утро, солнце только поднялось над кромкой леса и принялось сушить росу, которая поднималась над лугами слоистым туманом. Ляле захотелось пройтись. Она отправила Никиту с багажом вперёд и велела передать барыне, что поспеет к чаю. До Алпатьева было не больше двух вёрст с четвертью, если идти полем.

Ляля только что закончила высшие женские курсы в Москве и теперь казалась себе невероятно опытной и искушённой взрослой женщиной. Шагая хорошо знакомой дорогой, она испытывала радость узнавания и не без гордости размышляла о том, каким наивным ребёнком покинула родные места. В этом году она не приехала даже на Рождество, отговорившись тем, что надо готовиться к экзаменам.

На самом деле она переживала страстный роман с Яворским, модным беллетристом, с которым познакомилась на вечере у сокурсницы. Яворский был у всех на устах, но главным образом у Наташи, которой доводился крёстным. Наташа Семиярцева, сентиментальная институтка, взялась замолвить за подругу слово и показала Яворскому Лялины стихи. Яворский, холёный и утончённо-богемный, одетый с тщательно продуманной небрежностью, очаровал Лялю – и был очарован в свой черёд её свежестью и блеском слегка восточных карих глаз, придававших её облику налёт диковатой экзотики. «Почему бы и нет?.. Почему и нет...» – пробормотал он, уходя от Семиярцевых, и положил при первой возможности сблизиться с этой русалкой. К тому же его крестница, дочь университетского товарища, предоставила для этого удобный повод.

Лялины стихи Яворского не впечатлили – в отличие от их автора, и, будучи заинтересован в продолжении знакомства, он назначил ей встречу, сдержанно хвалил и советовал попробовать себя в прозе.

Когда две недели спустя она принесла ему свой первый рассказ, Яворскому ничего другого не оставалось, как упасть к её ногам. Собственно, он был к этому готов, независимо от результатов её опыта. Покорённая его лоском, немного скандальной славой и выдаваемым ей восторгом, Ляля почти не сопротивилась и неделю спустя со сладким ужасом отдалась ему в собственной квартирке, которую снимала уже третий год в одном из закоулков Арбата.

Зима пролетела в незаметно в любовных восторгах, бурных ссорах и страстных примирениях. К весне Яворский остыл к Лялиным чарам. Она слишком быстро училась, и скоро от её пленительной чистоты и неискушённости не осталось и следа. Ляля заняла своё место в череде его женщин, истеричек, притворщиц и лгуний. К тому же она становилась слишком требовательной. Он неосторожно способствовал публикации её первого рассказа, который, по правде говоря, приняли в журнал только ради его авторитета. Но Ляля сочла свой дебют верным доказательством таланта и была полна решимости продолжать. Однако Яворский уже утратил к ней интерес, и настал день, когда он без обиняков объявил ей своё мнение относительно её творений. Оскорблённое авторское самолюбие стало удобным поводом для разрыва, Яворский радовался, что так удачно отделался от наскучившей любовницы, а Ляля под предлогом простуды на две недели заперлась дома, где, безутешно рыдая, строчила своему кумиру письма, в которых оскорблённое чувство перемежалось с униженными мольбами о прощении. Так и не дождавшись ответа, она преисполнилась мрачной решимостью и, осунувшаяся, с лихорадочным сухим блеском во впалых глазах, вернулась на лекции.

Она продолжала ревниво следить за литературными успехами Яворского, будучи не в силах отказать себе в этом мрачном удовольствии, и однажды, купив свежий журнал, прочла о себе. Разумеется, автор изменил имена, но, хотя он писал от третьего лица, Ляля со стыдом и яростью узнавала подробности их короткого романа, который в его пересказе выглядел едва ли не водевилем. Она провела ночь, шагая из угла в угол и бормоча сакраментальное: «Дура, вот дура!» – и весь следующий день мучилась жестокой мигренью.

А на третий день её приятель тиснул в газете, где подвизался внештатным сотрудником, Лялину жёлчную и безжалостную рецензию на последний рассказ Яворского. И хотя газета была средней руки, но праздная публика покупала её весьма охотно – ради светских новостей и театральных сплетен, которые здесь высокопарно именовались обзорами.

Разумеется, рецензия вышла под псевдонимом, и Ляля в ней тщательно избегала всего, что могло выдать её личное знакомство с автором. Но в том, что касалось литературных достоинств опуса, она не оставила камня на камне, обратив былые откровенности Яворского о собратях по перу против него же самого.

Это была сладкая месть! Придав лицу сочувственное выражение, Ляля выслушивала сетования подруги на негодяя-рецензента и на то, какую досаду причинила эта «грязная писанина» Наташиному любимцу. А некоторое время спустя к Ляле постучал давешний приятель и передал приглашение редактора. Так Ляля стала литературным критиком.

– Тебе бы замуж, Лялочка! – вздохнула за чаем мать, которая с самого приезда пристально наблюдала за дочкой.

– Замуж? – Ляля недобро усмехнулась. – Для чего?

– Курсы – это, конечно, хорошо, но как бы тебе не стать одной из этих старых дев, ненавидящих весь белый свет. Ведь они пренесчастные создания, милая!

– А ты, мама? Ты счастлива?

Мать улыбнулась и задумалась, глядя в тёмное окно.

«Как мама поглупела! – подумала Ляля, глядя на мать. – Да и как было не поглупеть, когда её жизнь начисто лишена высших интересов!»

Глава вторая. ШЕРШИЕВИЧ

Ляля собиралась погостить в Алпатьеве с неделю. По правде сказать, она и неделю-то опасалась не выдохнуть, вздыхала: надо! Мама очень огорчится, если дочь, после годового отсутствия, пробудет всего несколько дней. И в самом деле, поначалу ей было томительно скучно. Водворившись в своей прежней комнате, любовно подготовленной к её приезду (не забыт даже букетик душистого горошка в вазочке из молочного стекла на туалетном столике), она чувствовала себя самозванкой: она не была уже той Лялей, которая родилась здесь и выросла, наезжала сюда вместе с родителями гимназисткой на летних каникулах. Когда, в её шестом классе, скоропостижно умер отец, уездный дворянский предводитель, мать, схоронив его на родовом погосте, окончательно обосновалась в имении. Городской дом был сдан через поверенного некоему Шершиевичу, владевшему в уезде хлебной торговлей. Шершиевич не поскупился, дом – солидный и поместительный – ему нравился, и он заплатил вдове за несколько лет вперёд. Все эти деньги пошли на уплату долгов, оставленных отцом, невольным пленником своего положения, вынуждавшего жить не по средствам.

Ляля любила их городской дом и теперь не могла не думать о его нынешних жильцах с той неприязнью, с какой обыкновенно думают об узурпаторах, нагло присвоивших себе чужое. После выпуска из гимназии она была в уезде всего однажды, гостя у своей гимназической подруги, и весь тот месяц тщательно избегала бывать вблизи бывшего своего дома. Но так как в небольшом городке невозможно прожить месяц, не проехав хотя бы однажды по какой-нибудь из его улиц, то, проезжая мимо, она зажмуривалась, чтобы не бередить своей раны. Когда она слышала фамилию Шершиевич, ей всякий раз хотелось зажать уши и завизжать, и она бледнела от усилия держать себя в руках...

Вопреки стараниям матери угадывать любые её желания, а может быть, именно благодаря им, к концу третьих суток в Алпатьеве тоска её сделалась несносной, но ради мамы Ляля была полна решимости потерпеть и стиснула зубы. Однако, когда положенная ею для себя неделя подошла к концу, Лялей вдруг овладело оцепенение праздности. Проснувшись утром того дня, когда собиралась сообщить о своём отъезде, она почувствовала истому и не лишённую приятности тяжесть во всём теле, лениво потянулась и сказала себе самой: «Успеется! Что теперь делать в Москве? Все знакомые разъехались кто куда, а те, кто остался, скучны до зевоты и ничем не лучше здешних помещиков...».

К исходу её второй недели в стенах родного дома она уже не строила никаких планов. Мать не могла нарадоваться её присутствием и затаилась, боясь вспугнуть свою дочь, эту беспокойную птицу, даже не заводила более разговоров о замужестве. Ляля много гуляла по окрестностям, а если было слишком жарко для прогулок или, напротив, шёл дождь, читала в качалке на веранде. Она немного пополнела и посвежела и, глядя на себя в зеркало, усмехалась (впрочем, не без тайного удовольствия): «Ну, вот я и стала натуральной уездной барышней, вскормленной на парном молоке и чувствительных романах!»

Однажды, возвращаясь после дальней прогулки и предвкушая ароматный чай на веранде, она услышала, помимо звона посуды и приборов, незнакомый мужской голос и досадливо поморщилась: гости! Ляля сошла с аллеи и, незаметно подойдя, остановилась за ближайшей к веранде куртиной. Мать сидела у стола, а у самых перил с чашкой в руках стоял господин в белой чесучовой паре, одетый с нездешней тщательностью. Когда он поднёс чашку к аккуратным тёмным усам, на его смуглой руке сверкнул перстень. «Что за птица?» – подумала Ляля. Никто из соседей, наезжавших к ним с визитами, не мог бы выглядеть таким образом.

Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва,

и одним из таких прав была негласная непринуждённость в одежде: не то чтобы туалеты соседей были небрежны, вовсе нет; но что бы они ни надели, оно поневоле отдавало обломовским халатом. Этот же господин, несмотря на некоторую вальяжность, смотрелся упругим, как сжатая пружина, и готовым в любой момент устремиться к ведомой ему лишь одному цели.

Её давешняя досада сменилась интересом, Ляля покинула своё укрытие и направилась к веранде, избегая смотреть на незнакомца, но чувствуя на себе его взгляд. Когда она взошла на крыльцо, мать воскликнула от самовара:

– Лялюша, наконец! Чаю хочешь?

– О, мама, конечно! Ужасно хочется пить. – И застыла на полпути к столу, словно только теперь заметила гостя.

– Знакомьтесь, – сказала мать, наливая чай, – Павел Егорыч, это моя дочь Елена.

Гость размеренным шагом приблизился к столу, поставил чашку точно в середину блюдечка и, подойдя к Ляле, поднёс к губам протянутую ему руку. Потом поднял на неё зеленоватые глаза с лукавыми искрами, отчего Ляля испытала неловкость школьницы, застигнутой на шалости и понимающей, что её притворство шито белыми нитками. Неожиданно для себя самой она вспыхнула, и только тогда гость опустил ресницы и произнёс, улыбаясь в усы:

– Шершиевич.

Глава третья. ДВА РУБЛЯ ДО СОТНИ

– Павел Егорович, оставайтесь с нами обедать, – говорила мать за чаем, – вы ни разу ещё не остались, право слово, это ни на что не похоже! Лялюша, помоги мне уговорить Павла Егорыча!

Шершиевич поднял глаза на Лялю, отчего она опять вспыхнула и, сердясь на себя за это, проговорила холодно:

– Мама, я думаю, что Павел Егорыч весьма занятой человек, и мы поставим его в неловкое положение, настаивая на приглашении, ради которого он будет вынужден пожертвовать своими делами. – Произнеся эту тираду, Ляля залпом допила свой чай и протянула матери пустую чашку.

Шершиевич нахмурил брови – было заметно, что ему стоило некоторого усилия оставаться серьёзным – и сказал, глядя на хозяйку:

– В самом деле, Ольга Константиновна, сегодня мне необходимо вечером быть в городе. Но я с удовольствием приму ваше приглашение и приеду в любой день на новой неделе, который вы назовёте.

Было условлено, что он приедет в будущую субботу, и Шершиевич откланялся. Мать поднялась, чтобы проводить его до крыльца, где ждала его пролётка. Ляля осталась сидеть.

Вернувшись, мать села по другую сторону стола, налила себе ещё чашку чаю и с интересом поглядела на дочь поверх чашки. Надеясь избежать разговора о Шершиевиче, Ляля сделала вид, что не замечает этого. Она откинулась на спинку стула, надкусила печенье и уставилась вглубь садовой аллеи, словно что-то или кого-то там высматривала. Было очень тихо, всё погрузилось в полуденную дрему, только с поля ветер приносил обрывки голосов. Поэтому, когда мать всё-таки заговорила, Ляля даже вздрогнула от неожиданности.

– А знаешь, – сказала Ольга Константиновна, – ведь он ради тебя согласился.

Лялино сердце отчаянно забилося, и она прижала руку к груди.

– Мама, ты меня напугала! – воскликнула она. – И охота тебе говорить всякую чепуху.

– Ну ладно, ладно, прости! Не стану больше... Пойду, пожалуй, прилягу. Что-то парит, вероятно, к ночи будет гроза.

Ляля осталась на веранде одна, испытывая странную, но не лишённую приятности тревогу. «Как это глупо! – думала она, сердясь на самое себя. – Я тут совсем одичала, если так разволновалась из-за какого-то хлыща». Но минуту спустя ловила себя на том, что улыбается, думая о нём. Так и прошёл этот день. Она пыталась читать, но взгляд бессмысленно скользил по странице и, покинув её, принимался блуждать окрест, не замечая тех предметов, на которые опускался легкокрылым мотыльком. Наконец Ляля вздохнула и, смирясь, уронила книгу на колени. Этот человек волновал её помимо воли, но волновал совсем иначе, нежели когда-то Яворский. Вспомнив о Яворском, она вдруг обнаружила, что теперь способна думать о нём без боли и даже вполне равнодушно. И Ляля с неожиданной для себя ясностью осознала, что, в сущности, он прав и весь их нелепый роман годится разве что для водевиля...

На другой день пришёл пакет от редактора. Он содержал рукопись, к которой прилагалось короткое, но цветистое письмо с просьбой ознакомиться и дать рецензию. Ляля развернула рукопись и пробежала первую страницу. Это было незамысловатое будуарное чтение, впрочем, не лишённое остроумных наблюдений – обычное творение праздного ума. Чтение это доставляло удовольствие того же порядка, которое испытываешь от светских сплетен: оно приятно щекотало нервы и будоражило воображение. «Альковный роман!» – подумала Ляля и решила, что это неплохое название для статьи. Опус назывался «Два рубля до сотни» и повествовал о похождениях ироничного и тонкого господина, виртуозно избегающего каких-либо обязательств в отношении слабого пола. Смысл названия разъяснил сам герой в последней части:

«...Но почему бы вам на ней не жениться, милый George? Софи недурна и, право, не глупа. К тому же за ней дают хорошее приданое... – Два рубля до сотни, мой друг! – ответил George. – Два рубля до сотни. – Что вы этим хотите сказать? – Я нахожу это желание округлить свой капитал за счёт женитьбы чисто символическим действием. Как точка в конце фразы, n'est-ce pas?»

Глава четвёртая. ЗАСУШЕННЫЙ ЦВЕТОК

Рецензия, вопреки обыкновению, вышла не слишком забористой, но когда Ляля поставила последнюю точку и перечла написанное, то нашла её изящной и даже немного игривой. «Публике понравится», – решила она, переписала набело, запечатала в конверт и вывела на нём адрес редакции.

Делать было более нечего, читать не хотелось, и она отправилась на прогулку. Мысли, ничем теперь не занятые, незаметно вернулись к предмету, волновавшему её с минувшего воскресенья – к Шершиевичу. От матери она знала, что он холост и ему должно быть уже под сорок или около того; что репутация у него самая безупречная, однако никакие попытки уездных маменек завлечь его и склонить к браку со своими, на выданье, дочерьми не увенчались успехом. Впрочем, он ездил в дома, где имелись невесты, и был, по слухам, весьма мил с дамами – но со всеми равно, не отдавая сколько-нибудь заметного предпочтения ни одной из них.

Более о нём не говорили, однако Ляля понимала, что мама питает на её счёт определённые надежды. В другое время это бы её развлекло, но она чувствовала, что фигура Шершиевича занимает её самоё не меньше, чем мать, и не могла не досадовать. «Зачем я ему? Если он не соблазнился ни одной из здешних барышень, за которыми дают немалые деньги, да и, как говорят, среди них есть прехорошенькие, свежие и нетронутые. А мы небогаты, и я уже не так молода (тут Ляля обычно вздыхала). Незачем о нём и думать!» Память услужливо подсказывала фразу из прочитанного только что салонного романа: два рубля до сотни. Но, несмотря на запрет себе самой думать о Шершиевиче, весь остаток недели до его приезда Ляля томилась в ожидании, и когда настала долгожданная суббота, она уже не находила себе места.

– Милая, ты здорова? – спросила мать, когда Ляля вышла к завтраку. – Ты немного бледна...

– Я здорова, мама. Просто плохо спала из-за жары.

Мать больше ничего не сказала, но брови её тревожно насупились. Тем не менее во время завтрака Ляля сидела с непроницаемым, холодным лицом, что, по её мнению, должно было предостеречь мать от неуместных разговоров, а сразу после по той же причине ушла в дальний конец лужайки и расположилась с книгой на качелях. Мерное покачивание вскоре утомило её, и Ляля незаметно заснула, выронив книгу, которую так и не успела открыть.

Проснулась она так же внезапно и не сразу открыла глаза, силясь понять, что же её разбудило. Это было впечатление чьего-то присутствия рядом, и, хотя не было слышно ни звука, кроме гула пчелы и птичьего щебета, Ляля отчего-то была уверена, что в своём углу она не одна. Она слегка приотворила ресницы – и увидела свою книгу в уже знакомой смуглой руке. Ляля встрепенулась и шумно вздохнула, окончательно просыпаясь.

Шершиевич стоял над ней, улыбаясь, и Ляля невольно ответила ему улыбкой, но тут же нахмурилась.

– Павел Егорович, вы приехали! Простите меня, это ужасно глупо – заснуть среди бела дня!..

– Ничуть, – возразил он, – заснуть, хоть днём, хоть ночью, самое естественное дело. – Он наклонился к её руке. – Вы так мило спали! Ваша книга, она была в траве...

Он протянул ей томик Чехова.

– Зачем же мама меня не разбудила! Давно вы здесь?

– Не более четверти часа. Ольга Константиновна пошла распорядиться насчёт обеда и велела мне идти к вам, иначе бы я ни за что не нарушил вашего уединения.

Было непонятно, смеётся ли он или просто любезен – Ляля склонялась к мысли, что Шершиевич втайне потешается над ней. «Ну и пусть его! – решила она. – Чтó мне в нём? Как приехал, так и уехал!» И она решительно поднялась.

– Не угодно ли вам пройтись? – сказал он, согнув в локте руку. – У вас здесь, кажется, красивые места.

Ляля взглянула на него испытующе, но, разомлев ото сна, почувствовала себя не в силах сердиться или ломать голову над иным смыслом его слов и просто оперлась на предложенную руку.

Довольно долго они шли молча, и она была вынуждена признать, что молчать с ним легко и приятно. Они ушли уже довольно далеко, когда Шершиевич заговорил.

– Вы останетесь или вернётесь в Москву?

Вопрос застал Лялю врасплох, и она ответила не сразу.

– Пожалуй, вернусь. Что делать здесь зимой?

– А что делать в Москве?

– У меня там есть... занятие. – Она замялась, и он это, кажется, заметил, но виду не показал.

– Да, я читал. У вас есть слог.

Ляля опять вспыхнула. Какой, право, несносный человек: что бы он ни сказал, она перед ним себя чувствует девчонкой!

– Мама показала?

– Ольга Константиновна очень гордится и... она беспокоится о вас. Что естественно для матери, – поспешил добавить он.

Ляля решила оставить это замечание без внимания, и несколько минут они шли молча.

– А вы не думали обосноваться в уезде?

– В уезде? С какой целью?!

Шершиевич расхохотался. Смеялся он раскатисто, со всхлипами, и Ляля невольно заразилась его весельем. Отсмеявшись, он утёр тыльной стороной руки выступившие слёзы, потом опомнился и достал из кармана кипельно-белый платок.

– Что в моих словах так вас рассмешило? – спросила она, силясь придать голосу строгость.

– Вы сказали это так, словно в уезде живут одни бездельники да замшелые пни.

– Так и есть.

– Но ведь я же вот живу здесь, а я, смею надеяться, ни одно, ни другое. – Он неожиданно серьёзно заглянул ей в глаза.

– Вы другое дело. А женщине в уезде можно жить, только если выйти замуж, – ответила она неожиданно для самой себя. Его взгляд имел на неё непреодолимое гипнотическое действие, вынуждая говорить вещи, которые она бы не произнесла при других обстоятельствах.

– А замуж вы, верно, не хотите.

Это было похоже на колкость, и Ляля не на шутку вспыхнула. Она развернулась и решительно зашагала в сторону дома, бросив на ходу:

– Идёмте, Павел Егорович, мама нас уже заждалась.

Он её нагнал и, прилаживаясь к её шагу, пошёл рядом. Когда за поворотом дороги открылся дом, он проговорил:

– Вы зря сердитесь на меня, Елена Васильевна. Я сказал так только оттого, что мне бы не хотелось видеть вас засушенным цветком...

Ляля остановилась на полном ходу и резко обернулась, так что они с Шершиевичем даже столкнулись. Их лица оказались при этом очень близко друг к другу.

– Что вы имеете в виду? – спросила она, задохнувшись от скорой ходьбы, владевшей ею досады и этой неожиданной близости.

Он посмотрел на неё как-то грустно и, обежав глазами её лицо, закончил вполголоса:

– Засушенный цветок. Между страницами книги. Который отдал им весь свой сок и аромат, да и умер!

Глава пятая. БУКОЛИЧЕСКИЙ РОМАН

Свадьба Ляли и Шершиевича состоялась в первых числах сентября. Молодые провели ночь в городском доме, а утром сели в поезд, идущий в Париж.

Ляля смотрела в окно на проплывающий пасмурный пейзаж и пыталась привести в порядок свои мысли. Как вообще случилось, что она вышла замуж? Весь остаток лета с того памятного его визита в Алпатьево прошёл в каком-то сумбурном и противоречивом настроении, смеси ожидания и досады, восторга и ужаса.

Затеянный Ольгой Константиновной обед не обманул ожиданий последней: склонность Шершиевича к Ляле становилась всё более очевидной. Будучи женщиной тонкой и не лишённой светских талантов, Ольга Константиновна проявила весь присущий ей такт и артистизм, чтобы выглядеть непринуждённой и беззаботной, обмирая внутри, как бы не спугнуть робкую надежду. «Вольно́ было Васе поощрять Леночкину самостоятельность! Его нет, а мне что теперь с ней делать? Добро бы Павел Егорыч её замуж взял, да она бы не заупрямилась, а уж я стану Бога молить!» – и она улыбалась гостю, мысленно осеняя себя крестным знаменем. Понять, что на уме у дочери, было решительно невозможно. Минутами чутким материнским сердцем Ольга Константиновна видела, что Ляля словно ждёт чего-то; но стоило Шершиевичу попасть ей на глаза, как дочь ошетикивалась, словно нарочно выставляя напоказ не самые привлекательные стороны своей натуры.

Ляля и сама не могла себя понять. Пока сидели за столом, она не переставала обмениваться с гостем колкостями (которые он, впрочем, принимал со свойственной ему снисходительностью, временами даже подыгрывая). Но ещё прежде, чем его экипаж скрылся за поворотом подъездной аллеи, она уже начала по нём скучать. Дабы скрыть своё замешательство, она уединилась у себя в комнате под предлогом усталости и, как была, упала навзничь на свою кровать поверх покрывала. Блуждая взглядом по узору кисейного полога, Ляля попыталась было успокоиться и даже закрыла глаза. Но едва смежились её веки, перед ними встал Шершиевич с его насмешливой улыбкой на смуглом античном лице. «Уж не влюблена ли ты, дурочка?» – спросила себя она и замотала головой: нет, нет, нет! Этого ещё не доставало! Однако было поздно, и сколько бы Ляля ни уговаривала самоё себя, сердце сладко замирало, опровергая любые доводы. Не в силах более бороться с собой, она перекадилась на живот и, спрятав лицо в прохладных крахмальных складках пикейного покрывала, заплакала.

Как и многие девушки, чьё неопытное сердце стало мимолётной добычей прожжённого соблазнителя и было им разбито, Ляля остерегалась новой боли и избегала всякой возможности любовных мук. Поэтому она надела маску холодного стоицизма, которая, впрочем, никого не могла обмануть. «Он больше не приедет», – твердила она себе, стараясь держаться как обычно. Но ставшие привычными занятия утратили для неё всякий интерес, и большую часть дня она праздно качалась на качелях или, подобно беспокойному призраку, кружила по дорожкам сада, замирая при звуках приближающегося экипажа. Едва разглядев гостей, она тотчас скрывалась в зарослях, чтобы появиться только после их отъезда или – «Милая, надо же блюсти хоть какие-то приличия!» – к самому концу их визита.

Так прошла неделя. Ляля сидела с ногами на оттоманке в библиотеке и силилась читать присланную редактором рукопись. Это был очередной куртуазный роман, и дело продвигалось плохо: сюжет казался ей надуманным, положения – искусственными, а реплики действующих лиц – манерными и приторными. Единственное, на что годился этот опус, это быть едко осмеянным в самой жёлчной рецензии, на какую она только была способна, но Ляля не чувствовала в себе необходимой для этого вдохновенной злости. Она перевернула очередную страницу, когда услышала звук лёгкого экипажа. «Как несносны эти визиты!» – успела подумать она, но сердце её уже забилося радостным предчувствием. «Нет, не может быть! Показалось». Мимо

двери кабинета пронеслись шаги горничной Лавруши, раздался лёгкий стук в дверь спальни: «Барышня! Елена Васильевна, вы здесь?.. Вас барыня зовут». Ляля встала и, стремительно преодолев несколько шагов, приоткрыла дверь кабинета. Из гостиной слышались голоса – возбуждённый материн и... Ляля распахнула дверь и шагнула в коридор. «Барышня, вот вы где! – воскликнула за её спиной Лавруша. – Вас велено звать, там Павел Егорович приехали».

Ляля устремилась в гостиную, но, проходя мимо трюмо, остановилась и оглядела себя в зеркале. Увиденное её не удовлетворило. Может, сказаться больной? В это время Шершиевич в гостиной произнёс: «Конечно, Ольга Константиновна, я подожду», – и Ляля, пощипав себя за щёки и оправив причёску, вошла.

Весь этот день она, от усилия держать себя в руках, была столь молчалива, что гость, который остался на чай, принуждён был говорить почти единственно с Ольгой Константиновной. После чая он стал прощаться под предлогом дел.

– Что ж, если это необходимо... Но мы были вам рады – впрочем, как и всегда! Лялюша вас проводит.

Досадуя на мать за столь очевидную уловку, Ляля была ей в то же время благодарна за этот короткий тет-а-тет. На крыльце Шершиевич задержал её руку в своей.

– Я скоро приеду, Елена Васильевна, – ответил он на её невысказанный вопрос, глядя ей в глаза в поздних сумерках. «Несносный человек! Он читает в моих мыслях как по писаному!» – подумала она и ничего не ответила, радуясь сгустившейся темноте, в которой, Ляля надеялась, не было видно её внезапно вспыхнувших щёк.

Он приехал на третий день. Теперь она ждала его спокойнее, обнадёженная обещанием. Он стал навещать Алпатьево раз, а то и два раза на неделе, и Ляля незаметно привыкла к его лукавой манере. Она даже стала делиться с ним своими мыслями, обходя только одну тему, но именно ту, которая волновала больше всех остальных.

А в середине августа он сделал ей предложение.

Ляля, которая ждала сама не зная чего, была обескуражена простотой слов, в которые было облечено такое важное событие. Она как раз пересказывала ему содержание очередной книги, присланной ей на рецензию, и пропустила тот момент, когда всегда насмешливые его глаза стали вдруг серьёзными. Уже некоторое время Шершиевич смотрел на неё пристально и как бы испытующе, но ей, увлечённой своим рассказом, хотелось его непременно закончить. Едва она поставила в нём последнюю точку, Шершиевич произнёс ровно и просто:

– Елена Васильевна, выходите за меня!

Глава шестая. ФЕРЯЗЬ

В городском доме, тщательно и любовно подготовленном к их приезду, Шершиевичей встречали Ольга Константиновна и старая Лялина нянька Антиповна, нарочно отряженная барыней руководить тамошними, незнакомыми, слугами, чтобы всё было устроено по вкусу и привычкам молодой хозяйки. Об этом просил сам Павел Егорович в письме из Италии, извещая о предполагаемом в конце ноября возвращении.

Добирались со станции по первому морозцу, переждав осеннюю распутицу в Европе. Когда Ляля вошла с холода в переднюю и, обнявшись с матерью, скинула на руки горничной отороченное мехом манто, из глубины дома уточкой выкатилась Антиповна и, увидев свою прежнюю питомицу в изысканном, с иголки, парижском дорожном платье, ахнула, всплеснула руками:

– Матушка моя! Ферязь белая!

Все рассмеялись с некоторой аффектацией, чтобы разрядить естественную после разлуки неловкость момента.

За обедом Ольга Константиновна присматривалась к дочери с растущей тревогой. Теперь, без морозного румянца и нескольких слоёв тёплой одежды, Ляля показалась ей худой и бледной. «Должно быть, с дороги», – успокаивала она себя, но Ляля ела мало и без аппетита, и матери стоило усилий скрывать своё беспокойство.

– Мама, что? – спросила наконец Ляля, заметив её замешательство.

– Ничего... Я соскучилась, милая, – Ольга Константиновна изобразила подобие улыбки.

– Ты смотришь так, словно позади меня стоят сорок разбойников.

– Хотя ты теперь и дама, но ты по-прежнему моё дитя. Когда ты сама станешь матерью, ты это поймёшь.

Ляля опустила глаза в тарелку и вспыхнула, но ничего не ответила. Павел Егорович сжал под столом её руку и улыбнулся теще.

– Это произойдёт, с Божьей помощью, уже будущим летом.

Ожидание материнства совершило в ней естественный переворот, сделав нечувствительной к тем мелким внешним заботам, которым прежде она придавала так много значения. Сосредоточенная на себе, Ляля сама не заметила, как стала едва ли не королевой уездного общества. Произошло это без каких-либо усилий с её стороны – только благодаря её теперешнему положению, которому она была обязана отчасти своей принадлежностью к старинной здешней знати, отчасти – богатству и связям мужа. Павел Егорович обладал тем редким в людях коммерческого сословия тактом, который позволил ему, не заносясь и не заискивая, заслужить уважение здешнего общества. Он был чужд свойственной людям своего происхождения смеси крайностей – подбострастия перед аристократией и одновременной бравады, каковая имеет своей причиной заурядную зависть. Основанием для его авторитета служили исключительно его собственные качества, и Ляля не без гордости наблюдала почтение, с каким обращались к Павлу гордые потомки старинных обветшалых родов.

Весь следующий год Шершиевичи провели в уезде: зиму Елена Васильевна блистала в городе, весной же, когда её положение стало уже заметно, перебралась к матери в Алпатьево, где в половине июня благополучно разрешилась дочерью. Девочку назвали Аглаей, в память о матушке Павла Егоровича, дома же за ней закрепилось ласковое имя Глаша.

В начале осени Павел объявил о необходимости посетить по делам обе столицы, и Ляля ощутила потребность, как она выразилась, «встряхнуться».

– Я теперь, наверное, ни во что не влезу! – сокрушалась она, оглядев себя в зеркале, урезала свои порции за столом и отказалась от сладкого. Но, несмотря на эти жертвы, все до

единого парижские платья пришлось расставлять. Для этой цели была нанята и водворена в антресолях портниха, которая две недели перед отъездом трудилась, не поднимая головы.

Когда всё было готово и Елена Васильевна вышла к мужу во всём блеске своей торжествующей красоты, Павел, окинув её удовлетворённым взглядом, воскликнул, смеясь, как обычно, глазами:

– А вот и ферязь наша белая!

Глава седьмая. ШЕРОЧКА С МАШЕРОЧКОЙ

В Москве Шершиевичи водворились в бельэтаже нового большого особняка на Кузнецком, который сняли на весь сезон. Квартира была обставлена с парижским шиком, и, обходя покои, Ляля уже предвкушала приёмы, которые будет здесь устраивать.

Но кто, кроме компаньонов мужа, сможет это оценить? Она вспомнила своих старых московских знакомых и задумалась: кто из них будет уместен в этой гостиной? Пожалуй, разве что Наташа Семиярцева, ныне Наталья Самсоновна Фихтер, сменившая скромную купеческую фамилию на титул баронессы. Вспомнив Наташу, вспомнила Ляля и Яворского – и улыбнулась: ей показалась забавной мысль пригласить стареющего ловеласа в общество людей, для которых он что-то вроде безобидного трубадура. К тому же в этом соседстве бывшего любовника и нынешнего мужа было что-то пикантное и дерзкое, привкус опасности и риска. Не то чтобы она боялась со стороны Яворского какой-нибудь эскапады, нет: теперь она знала, что он трус – скорее, ей самой хотелось подразнить своего соблазнителя.

Когда обосновались на новом месте, после ужина, Ляля отправилась в будуар и написала Наташе: «Дорогая баронесса! Памятуя о нашей старой дружбе, буду рада видеть Вас у себя по адресу... Ваша Елена Шершиевич, урождённая Тугарина».

Наташа приехала на другой же день и с порога гостиной воскликнула:

– Лялочка, душа моя, как славно-то! И к чему эти поклоны, «дорогая баронесса» и прочее? Мы же подруги!

Они расцеловались, отпрянули и, держась за руки, принялись жадно разглядывать одна другую. Наташа и раньше не была худышкой, настоящая русская красавица с румянцем во всю щёку и пшеничной косой. Замужество только придало ей недостающего лоска, стало достойной оправой её своеобразной красоты.

– Хороша! Ах, как хороша! Царственно! – восклицала она, глядя на Лялю. – Я слышала, у тебя дочь? Представишь меня мужу?

– Конечно, милая! Да, девочка, Аглая, мы её Глашей зовём. С мамой осталась, в Алпатьеве. А у тебя?

– Первый сынок, Митенька, а к весне, Бог даст, и второй будет!

– О-о! Так ты... присядь!

– Ах, полно тебе! Я отлично ношу, даже утренней дурноты не бывает. Маман говорит: как дворовая девка! – и она заразительно расхохоталась.

Они проговорили до самого ужина, и если бы не нужда ехать на какой-то вечер, куда Наташа была приглашена вместе с мужем, то осталась бы и на ужин. В разговоре сама собой всплыла фамилия Яворского, Ляле даже спрашивать не пришлось. Наташа давно уже утратила все девичьи иллюзии по поводу своего крёстного и выложила подруге всю его подноготную. Именитый литератор оказался замешан в анекдот весьма скандального свойства, спутавшись одновременно с матерью и дочерью одного важного лица. Мамаша, подозревая своего аманта в неверности, явилась к нему в неурочный час и столкнулась в дверях с собственной выходящей от него дочерью, барышней на выданье. Теперь они не разговаривают, а незадачливый отец семейства никак не возьмёт в толк, какая муха укусила его домашних. Разумеется, обе дали кавалеру отставку, но история стала известна, как водится, через прислугу. Когда отсмеялись, Наташа глянула исподлобья на подругу.

– Лялочка, дело прошлое и былём поросло, но у тебя ведь с ним тоже что-то было? Можешь не говорить...

Ляля только вздохнула и уставилась за окно, где начался редкий, крупными хлопьями, первый снег.

– Я так и знала, – вздохнула следом Наташа. – Он тот ещё гусь. Если бы не остерегался папеньки, то и за мной бы приволокнуться не постыдился... Но ты молодчина, славно его осадила! Я читала твои рецензии.

Ляля встрепелась и ахнула:

– А ты откуда знаешь?!

– Бобриков проговорился.

– Во-от оно что! – Ляля нахмурилась. – Ну, раз проговорился тебе, то и сам Алексей Дмитрич, пожалуй, уже знает.

– А тебе что с этого? Пускай знает! Ты, может быть, единственная, кто дал ему отпор!

Ляля хохотнула.

– Видишь ли... Была у меня шальная мысль пригласить его в гости.

– Так пригласи! Не пойман – не вор, мало ли кто что говорит... Только тогда и меня заодно, я хочу на это посмотреть! – Она помолчала, обдумывая какую-то мысль. – А твой муж... Он об этом что-нибудь знает?

– Паша? Да, в общем... Если ты интересуешься, как он на это смотрит – вот те крест, не знаю! Но Паша... Он особенный. Никогда нельзя понять, что у него на уме. Одно знаю – он меня любит и никогда не причинит мне боль. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Ляля задумалась. Подумать только, она знает Павла каких-нибудь полтора года, а кажется, что прошла целая жизнь! Но и жизни будет мало, чтобы его понять, решила она. Нет, он не был «сложным» человеком – напротив, с ним было очень легко и покойно. Однако за этим его улыбчивым спокойствием, подозревала она, скрывался ум глубокий и требовательный, во всём доходящий до сути. Подчас он удивлял её неожиданными наблюдениями или выводами, и бывало так, что то, что казалось ей запутанным и неразрешимым, выходило в его пересказе простым и ясным. А бывало и наоборот...

Молчала и Наташа. Мягкосердечная и отзывчивая, она с грустью думала о том, как, должно быть, несладко пришлось её подруге и что она должна была пережить, скрывая свою страсть и своё разбитое сердце. Ей мучительно хотелось спросить, любит ли она ещё Яворского или давно забыла и полюбила своего мужа, этого загадочного Павла? Но она боялась ворошить прошлое и меньше всего хотела причинить подруге огорчение.

Вскоре она откланялась, а Ляля осталась строить планы и составлять список гостей.

Глава восьмая. ОТСТАВНОЙ КОЗЫ БАРАБАНЩИК

На вечер к Шершиевичам баронесса приехала первой и задолго до остальных гостей, таково было её нетерпение увидеть встречу Яворского и Ляли. Салон постепенно наполнялся состоятельными и вальяжными господами с супругами и без, важными чиновниками и знаменитыми юристами. Явление Яворского прошло бы совсем незамеченным, если бы не Наташа, которая то и дело поглядывала на дверь. Она и хозяйка вечера беседовали с одним из приглашённых, когда лакей объявил его прибытие. Услыхав его имя, она извинилась перед собеседником и сделала несколько шагов навстречу.

Яворский с величественным недоумением знаменитости обзирал блестящую толпу, которой не было до него никакого дела, словно спрашивал себя, туда ли он попал и что это за сборище невежд, когда наконец заметил Наташу, кивнул ей и направил к ней свои стопы. Они устроились у окна на плюшевом диванчике, где их и нашла Ляля.

Она уже некоторое время наблюдала за Яворским, оставаясь для него невидимой, и теперь, когда все гости прибыли, решила, что пора заявить о себе.

– Здравствуйте, Алексей Дмитрич, – раздалось над головой литератора, и Ляля не без удовольствия увидела, как он вздрогнул, как покраснела под редкими волосами его макушка и напряглась спина. Яворский суетливо оглянулся и, узнав её, вскочил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.